

Продолжим дискуссию о поиске путей выживания театра, начатую в интервью В. Азарченко с М. Дюжарбашовой «Все мы вышли из колыбели»

(газета «Согласие» № 4 за 4 января 1992 г.). Сегодня — разговор о судьбе Государственного русского драматического театра им. В. Маяковского.

ТЕАТР В КРИЗИСЕ?

МАЯКОВЦЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В Русском драматическом театре имени Маяковского киче жосию. Игроут спектакли не каждый вечер — ит резервуара на каждый день, да и завышенные, бьются, отменяют — нет зрителей. В кассе лежат неостребованные сыски билетов. Но за кулисами работа идет вавос: репетируют одновременно несколько спектаклей, торопятся, надеясь приблизить лучшие времена.

— Главное сегодня для нас — создать репертуар, чтобы каждый вечер театр встречал зрителей, — в кабинете Барзу Абдураззакана, восемь месяцев тому назад назначенного главным режиссером в маяковцев, висят фотографии Анатолия Эфроса, Анатолия Васильева, Максима Туманяшвили, Марии Кирибел. Это подарки, учителей своему бывшему студенту.

— Барзу, как могло случиться, что Русский театр, победивший на первом республиканском фестивале «Парасту», сегодня так неблагополучен? Может, это связано с общей ситуацией: страна в кризисе, экономика в кризисе — значит, у искусства душевное здоровье не только неслучайно, но сегодня и нечестно, вот и сыпался. А?

— «Разруха не в карманах, разруха — в умах», — поминшь профессор Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца»? Самое трудное, но и самое важное — суметь победить это в самом себе. Каждое утро я ругаю себя последними словами: «... аставай, иди работай!». Мы так ленивы, так любим самих себя — с этого и начинается наш кризис.

Не верю, что неостребованные молодые режиссеры в республике — это лишь яви на Министерства культуры яви СТД. Поверь, во многом это зависит от нас самих. Мы ждем, когда все принесут на блюде — так воспитаны. По себе знаю. Переключить это, перестать надеяться, начать пробовать свои идеи самим — единственный выход.

Перечитывая историю театра имени Маяковского в Душанбе, я впервые остановился на дате его рождения — 1937 году. По всей стране шли репрессии — расстрели, досюды, атмосфера всеобщего страха. Чем не кризис? По серьезнее себя оглядишь? А тут — театр! Алексей Денясовича Дикого, мастера возглавляющего. Театлестроительскую в Москве, где учился основателя нашего театра, посадили. А его ученики, не

желая раствориться в чужом для них коллективе решают создать свой театр в любой точке страны, где дадут. Так в полном составе и выехали в Сталинабад. Энтузиазма через край, далеко идущие планы: «Театра не нужно, на эти деньги купите легковую машину для республики». Спасибо театр только то, что деньги были уже выданы — менять все было поздно.

«Изыскующий темп репетиций, новый город, неприязненный климат, — рассказывает Николай Николаевич Волчков. — Но было во всем этом что-то из настроя первых пятилеток с их азучагом «Время, вперед!». Первый спектакль — постановочное сложная пьеса Н. Варты «Земля» — была подготовлена за полтора месяца. И, в то что назначенный день, как говорили старые московские работники сцены, «занялась пошла».

Не думаю, что им в те годы было легче, чем нам сегодня. Наверняка, труднее. Но чувствовали себя одной семьей — пусть еще бездомной и полуголодной, но семей, где все омы отдают на общее благо. Их расхожий репертуар тех лет, из опущенные из Министерства культуры плавы по национальной драматургии в русской классике не объясняют секрета успеха коллектива в начале своего пути. Наверное, он дал любого театра один на все времена: аромат студийности, обилие единомышленников всегда притягивает к себе. Как только это исчезает — семья, коллектив разваливается, в так до следующего периода братства. В истории маяковцев хорошие времена бывали часто — может, помогла хорошая замкавка?

Валерий Ахатов, с чьим именем связан последний по времени килет Русского театра, сделал много, чтобы вернуть слова повернул в себя. Это 1987—88 годы. Топне не лучшее для искусства время: так «перестройки», когда театр вместе со страной старался извернуться из себя

тоской проголосенной в разное время духовной отравы. Удавалось с трудом. Литературные части были завышены графоманскими «перестроечными» пьесами, которые бодро писали те же, кто вчера еще штамповал «производственные» сказы. Постановленная Академией «Дорогая Елена Сергеевна» Л. Разумовской достаточно широко шла по стране. И, честно говоря, не могла поразить ни драматургическими достоинствами, ни (на сцене маяковцев) принципиальной новизной сценического языка. Да, очень культурная работа, да, интересная интерпретация. И искусственный критик, и неискушенный зритель признали этот спектакль лучшим на фестивале «Парасту» в 1988 году, на региональном фестивале «Намуру» в Алма-Ате (приз «симпатичный критиком») для профессионалов повесомее главного приза), гастролли в Москве с прерывистой пресой, гастролли за рубежом... Театр имени Маяковского просто млея в ореоле победителя, в давно забытом алготате у билетных масс, на волне всеобщего интереса. И город наш почувствовал себя обладателем духовных ценностей высокой пробы.

Из чего сложился феномен «Дорогой Елены Сергеевны»? Да все из того же самого: Ахатов искал и нашел людей одних с ним художественных пристрастий, которые, чтобы он ни захотел сделать, всегда готовы были стать в соавторством, в зрительном. Почему Ахатов вместе с ними пошел маяковцев и создал «Полустров»? Да потому, что в труппе оказалась достаточно артистов, не попадавших в творческие планы режиссера. Ахатов счел за благо не выискивать с ними отношений. Поставленные знают, что в театре есть такой термин — «съемка». Означает это острое словесно ту степень психологического давления, когда для человека творческого совместная работа становится просто невыносима. Этот метод бескровной расправы труппой маяковцев опробован не однажды и вполне надежен: режиссеры уходят сами. Жаль одного: большинство отпугнутого в змудных отпугнутого совершенствуется усерднее, чем в основной профессии.

— Барзу, слышаваются ли

твоя взаимоотношения с артистами? Удаются ли попытки друг друга? Чувствуешь ли ты в себе силы расшатать тот клубок проблем, что достался в наследство от прежнего руководителя?

— Не знаю — это ответ на каждый из твоих вопросов. Уверенности в светлом будущем нет. Но несомненно, что самое главное, вернуться от данности, связанной с политической ситуацией, в нормальную работу. Ежедневные репетиции и спектакли — это единственное лекарство, способное хоть что-то сдвинуть с места. Сегодня все наши усилия для того, чтобы создать репертуар, достаточный для ежедневной работы театра. А дальше — увидим.

— Прости, если покажу неадекватность, но твои назначения главными режиссерами в Русский театр породило много слухов. После февраля 90 года, разделенного душаминцев на порванных и неморемных, я слышала, что твой приход в русскую труппу воспринимался как труп на ее кладбище.

— Лена, понимаю необходимость подобных версий — их появление, наверное, в нынешней ситуации объяснимо. Я очень надеюсь, что это пройдет. А теперь давай посмотрим, от чего в наследство пришло нынешнее положение: да, до меня театр возглавлял человек, который не мог заниматься, в намеренном смысле, но являлся в респале он. В театре не имеет значения национальность. Здесь такая степень твоей самодиагностики.

Сегодня думать только о творчестве очень тяжело — и я, я, мои актеры живут теми же проблемами, что и остальные. Хочешь — не хочешь, а заботиться о хлебе насущном надо. И все-таки. Ведь настоящий театр во все времена делал фантастику, тал что самоотречение — неизбежная цена всех побед.

Вот ты пришел в театр, ты работа — самое от театральное ругнуть, от сложной, от самоотречения. Только теперь я поняла, почему мой Учитель — Анатолий Эфрос через неделю после премьеры начал репетировать новый спектакль.

Мы с Барзу знакомы уже лет десять. И хотя дружим нас вряд ли можно считать — дружиб предполагает частое общение — но общие

театральные интересы, да и многие годы знакомства с маяковцами позволили доверительно разговориться. Зная слабые и сильные стороны этого коллектива, я лишь слегка процитировала многие из его ответов, почти на верный лад зная какими они будут. Одна из серьезных проблем у маяковцев — неукомплектованность труппы, особенно мужского состава. А такие мужские условия труда, бедность, почтенные актеры зарабатывают — все это общие беды наших культур. Рассказывая мне об этом Барзу внезапно замолчал. Почти на полуслове. И продолжал уже о другом.

— Жалуюсь тебе на всю эту ерунду, а сам думаю о другом. Да, сейчас устал, хочется отдохнуть, выспаться, почитать. Но придя в театр, я впервые почувствовал себя счастливым.

— А как же «Полустров»?

— Там все отравляла беспригодность: всех, кого можно, мы просили дать хоть какое-то помещение для репетиций, умоляли дать площадку, чтобы сыграть спектакль. Стойкое ощущение своей неузости, вечное противопоставление сложным братство. Сейчас у меня есть дом, сюда я прихожу каждый день к своим артистам. Есть сцена, где площадки для репетиций, цеха. Вместе с артистами мы имеем возможность делать то, что считаем нужным, это очень много. Да, между нами проблемы, но ни в одной семье без них не обходится. Мы пытались решить их вместе — это тоже счастье.

Что из этого получится — время покажет. Но очень хочется, чтобы оно шло не впустую, чтобы осталось от нас что-то хорошее. Спектакль «Нам городок» я ставил именно об этом: все в нашей жизни бывает только одним раз, каждое мгновение — уникально. Как бы научиться чувствовать это постоянно? Тогда бы мы, наверняка, стали добрее друг к другу.

... Мне нравится приходить в этот театр днем, когда здесь не ждут зрителей — можно увидеть, чем живут все, кто создает спектакли. Можно вспомнить, как в обычной жизни выглядят герои-любимые, персонажи сказочных представлений, послушать, о чем они говорят.

В дни, когда Душанбе был эвакуирован политическими страстями — на площади «седел» митинг, — здесь в театре, казалось, не знают о будущих за стенами бурях. В полутемном зале шла репетиция «Нашего городка». Сосредоточенная тишина нарушалась лишь репликами персонажей и замечаниями режиссера. Взрослые люди увлеченно занимались чем-то призрачным, и реальной жизни не имеющим никакого отношения. Через несколько часов им придется вспомнить о своих проголодавшихся после школы детях, о том, что надо заглянуть за ширму, добраться до дома... Но это все — потом, а пока шла репетиция.

Лена НАГОРНИЧНЫХ, (НАНТ).

НА СНИМКЕ: режиссер Барзу Абдураззакан.

Фото С. ШОНГИНА.